

Закариус Лютый

Древо-Отец

Закариус Лютый
Древо-Отец

«Автор»

2026

Лютый З.

Древо-Отец / З. Лютый — «Автор», 2026

Рассказ о племени, которое жило посреди леса. У них было дерево, которому они поклонялись - древо-отец. Но один мальчик сомневался, нужно ли поклоняться простому дереву, хоть оно и огромное. Сомнения становились все больше, и вот, уже созрев и телом, и убеждениями, он пошел на холм к дереву, чтобы срубить его. Но не все, как оказалось, так просто...

© Лютый З., 2026

© Автор, 2026

Закариус Лютый

Древо-Отец

Долина, в которой жило племя, была подобна чаше вырезанной в теле мира. Со всех сторон её окружали горы — высокие, седые, неприступные и только к востоку расступались, давая дорогу узкой, своенравной реке. Лес покрывал долину, как густой зелёный мех, а в самом её сердце возвышался холм, на холме стояло Дерево. Это был вяз, но слово «вяз» ничего не объясняет, то был исполин такого роста, что самые высокие сосны леса едва доходили ему до середины ствола. Его крона простиралась над долиной, как тёмно-зелёный небосвод, и закрывала солнце над всей центральной частью селения. Когда дул ветер, а дул он редко — листья шелестели так громко, что заглушали человеческую речь и люди говорили шёпотом: «Отец-Древо гневается». Когда ветра не было, дерево стояло в жуткой неподвижности и эта неподвижность ощущалась живой, напряжённой, будто огромный зверь притворился спящим.

Племя не помнило себя без дерева. Их предания гласили, что первый человек вышел из дупла этого вяза, а когда человек умирает, душа его возвращается в кору и остаётся там навечно. Говорили, что в стволе обитают тысячи предков — все, кто жил, любил, охотился и умирал за многие века. Говорили, что Отец-Древо хранит племя от засухи, от мора, от хищных зверей, и взамен просит лишь почтения и даров. И они несли дары — каждое утро, едва первый луч солнца касался макушки вяза, к холму тянулась процессия. Женщины несли лепёшки, испечённые на рассвете и ставили их у корней. Мужчины-охотники отрезали лучшие куски от добычи — оленью печень, медвежье сердце и возлагали на большой плоский камень, почерневший от засохшей крови. Детей, достигших года, подносили к стволу и прижимали лбом к коре, чтобы дерево «узнало» новую душу и записало её в книгу своей памяти. А когда кто-то умирал, его тело оставляли у подножия на три дня, чтобы душа успела перейти в корни.

Всею этой жизнью управлял старейшина — хранитель ритуалов. Он был самым старым человеком в племени, но никто не знал, сколько именно ему лет. Говорили, что он родился от союза женщины и духа дерева и потому слышит шелест так, как другие слышат слова. Он толковал шум листвы, осматривал трещины на коре, как провидец осматривает внутренности жертвы и объявлял волю Отца-Древа, и люди верили... Как можно не верить тому, что видели поколения? Как можно усомниться в том, что стояло здесь всегда? Но был все же в поселении мальчик по имени Чевеио который задавал себе вопросы, не находил ответы и он сомневался.

Это началось не вдруг — скорее, как вода точит камень, капля за каплей. В детстве он был обычным мальчишкой, как многие боялся грозы и верил, что дерево отводит молнии. Но однажды, когда ему было лет десять, случилась засуха. Два месяца небо было чистым, река обмелела, трава пожелтела. Люди удвоили подношения, они тащили к холму всё, что имели: последнюю муку, последнее зерно, даже воду, которой самим не хватало. Старейшина объявил, что дерево гневается за чьи-то тайные грехи, и устроил ночь всеобщего покаяния. Люди рыдали, били себя в грудь, рвали на себе волосы — и всё перед молчаливым, неподвижным стволом. Дождь не пришёл. Тогда старейшина сказал, что нужна жертва, причем живая. Выбрали козу, закололи у корней, полили ствол кровью — дерево молчало. А через три дня дождь всё-таки пошёл — но не над холмом, а далеко в горах, куда никто не ходил и где не было ни одного подношения. Вода пришла с талых вершин, а не от корней вяза.

Маленький Чевеио спросил тогда у отца:

- Почему мы носим еду дереву, а дождь приходит с гор?

Отец не ответил, он только отвёл глаза и сказал:

- Так делали наши предки, не нам менять обычаи.

Шли годы. Чевеио вырос, но вопросы не уходили — они размножались. Почему дерево, в котором якобы живут души мудрых предков никогда не предупреждает об опасности? Почему

оно не остановило оползень, который три зимы назад похоронил пятерых охотников? Почему, когда мать Чевеио умирала от лихорадки, он три дня не отходил от ствола- молил, плакал, оставлял последние лепёшки, а она всё равно умерла и дерево не пошевелило ни единым листом?

Однажды он поделился своими сомнениями с Кваху- другом детства, молодым охотником. Тот выслушал, долго молчал, а потом сказал:

- Я тоже об этом думаю. Но вслух не говорю. Боюсь.

- Чего? - спросил Чевеио.

- Людей. И дерева. И себя самого. Если всё во что мы верим- пустота, то как жить дальше?

Чевеио не знал ответа. Он чувствовал: истина где-то рядом, но прячется, ускользает. Он стал всё чаще уходить из селения в лес, а потом и в горы- туда, куда никто не ходил. Ему казалось, что среди диких камней, где нет ни дерева, ни идолов, ни обрядов он сможет услышать что-то настоящее, что-то, что больше шелеста листьев.

И в один из дней он взял с собой только воду и хлеб и ушёл высоко в горы. Он шёл весь день и всю ночь, пока не оказался на голом пике, где не было ничего живого- только камень, ветер и бескрайнее небо над головой. И там, в этой звенящей пустоте, он упал на колени и закричал- не дереву, не духам, а прямо в эту бесконечность. Он кричал, спрашивая: «Кто Ты? Где Ты? Слышишь ли Ты меня?» Ответа не было ни в шелесте листьев, ни в треске коры — потому что здесь не было ни листьев, ни коры. Но вместо ответа на него снизошёл покой- огромный, невместимый как само небо. И в этом покое Чевеио вдруг понял: Творец не нуждается в еде, брошенной на землю, Он не живёт в дупле, Он не требует крови, Он- Един и Он- над всем.

С этой истиной, горящей в груди, он спустился с гор и вернулся в селение, чтобы разрушить ложь, веками державшую его народ в цепях. Чевеио вернулся в селение с твердым намерением- он взял топор, наточенный до блеска луны, и направился к холму, чтобы срубить идола. Едва он приблизился к холму, воздух перед ним сгустился и задрожал, как в знойный полдень. Из этого марева вышел человек. Чевеио замер: перед ним стоял его отец, умерший несколько лет назад. Те же морщины у глаз, те же сильные руки, та же добрая улыбка, только глаза, если взглянуть, были чуть темнее, чем помнил Чевеио.

- Сын мой, - заговорил отец мягким, до боли родным голосом.

- Я пришел из мира духов, чтобы уберечь тебя от страшной ошибки, остановись.

Чевеио молчал, сжимая топор. А отец продолжал и каждое его слово дышало заботой:

- Это дерево стоит века. Ему поклонялись наши деды и прадеды, и никто не смел поднять на него руку. Оно хранит наш народ. Если ты срубишь его, люди будут недовольны, они возненавидят тебя, возможно, они побьют тебя камнями, я не хочу, чтобы мой сын погиб такой бесславной смертью. Отступись, прошу тебя, не ломай того, что проверено временем.

Сердце Чевеио сжалось. Как долго он мечтал снова услышать голос отца! Но что-то было не так. Он помнил, что его отец перед смертью, в последний час, вдруг посмотрел на дерево за окном и сказал странную фразу: «Оно молчит. Я стучал- оно молчит. Не стучи в пустоту, сын». Чевеио тогда не понял смысла той фразы, но запомнил. А сейчас этот дух говорил совсем иначе- он защищал пустоту. Чевеио поднял глаза и пристально посмотрел в лицо пришельца.

- Ты не мой отец, - сказал он твердо.

- Мой отец перед смертью понял, что дерево мертво. Он не стал бы удерживать меня страхом перед людьми. Истинный родитель желает сыну правды, а не уютной лжи. Во имя Единого Творца — назови себя!

Видение дрогнуло, доброе лицо отца исказилось гримасой ярости, кожа потемнела, глаза налились багровым огнем. С тихим, свистящим смехом дьявол сбросил человеческую личину и предстал в своем истинном обличье- огромный, с горящими глазами и когтями, острыми как серпы.

- Ты сам захотел правды, глупец! — прорычал он.

- Вот она!

Дьявол ринулся на Чевеио- не человек, не зверь, а сама тьма, принявшая форму. Его когти, похожие на серпы, рассекли воздух с таким звуком, будто рвалась сама ткань мироздания. Чевеио едва успел отклониться- лезвия просвистели в пальце от его лица, и на щеке выступила тонкая ниточка крови.

- Ты умрешь, червь! - взревел враг, и голос его шел сразу отовсюду- из земли, из ветвей, из самого воздуха. Чевеио не ответил. В его душе в этот миг не было ни страха, ни гнева- только странное, кристальное спокойствие, какое бывает в эпицентре бури. Он помнил истину, открывшуюся ему в горах и держался за нее, как утопающий за веревку- «Творец един, Творец со мной, чего мне бояться?» Дьявол атаковал снова- на этот раз снизу, целясь когтями в живот, чтобы вспороть его одним движением. Чевеио перехватил топор обеими руками, выставил топорище вперед и принял удар на древко- раздался скрежет, искры брызнули в разные стороны, сила удара отбросила юношу на несколько шагов назад, но он устоял. Древко, вырезанное из векового ясеня, выдержало. Тогда дьявол сменил тактику- он начал кружить вокруг Чевеио, то пропадая, то возникая в разных местах, оставляя за собой дымные фантомы. Холм наполнился мелькающими тенями и невозможно было понять, где настоящий враг, а где морок. Чевеио вертелся на месте, выставив топор и чувствовал, как от мельтешения начинает кружиться голова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.